

© *Дзюбенко М. А.*

логических операций и референтов «истина» и «ложь» (Дж. Булль), сделавшее возможным появление логических микросхем. Традиционные интеллектуальные задачи вычисления и выполнения логических операций, таким образом, стали «делом техники», и следующим звеном стала «технизация» понимания искусства, в которой художественность уступила место технической смоделированности.

Именно поэтому моделирование интеллекта стало проблемой искусства, а искусство — разделом техники.

Выводы:

1. Эволюция понимания интеллекта приводит исследователей к гипотезе о социально-коммуникативной природе интеллекта, развития его на основе взаимодействия. Следующим шагом становится гипотеза о возможности смоделировать это взаимодействие. Главной целью создания ИИ в конечном итоге не является моделирование способности к рассуждению, а способности к взаимодействию, так как основная надежда на ИИ — это коммуникация техники с людьми и облегчение им жизни. Кроме традиционно указываемой предпосылки появления ИИ — открытия булевой алгебры, гипотеза о социально-коммуникативной природе интеллекта является не менее важным звеном в появлении исследований по ИИ.

2. «Искусственность» в определении интеллекта ознаменовала новый этап понимания этой проблемы, в котором интеллект становится частью исследований искусства, меняя при этом само представление об искусстве.

3. Искусство призвано служить средством для самовыражения, поэтому высшей мерой самовыражения становится показать человечеству всего себя: не только свое видение мира, а полную модель самого себя, своего мышления, рассуждений, способности принимать решения и творить. Поэтому создание искусственного интеллекта — это высшая форма искусства, претендующая на максимально полное самораскрытие творца.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Адорно Т. В. Эстетическая теория / Теодор Адорно. — М.: Республика, 2001. — 526 с.
2. Дружинин В. Н. Многофакторная модель интеллекта по Луису Терстоуну / В. Н. Дружинин // Психология общих способностей. — СПб.: Питер, 2007. — С. 29–30.
3. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука / Кант Иммануил // Сочинения в шести томах. — М.: Мысль, 1965. (Философ. наследие). — Т. 4. Ч. I. — 544 с. — С. 67–209.
4. Коллингвуд Р. Принципы искусства / Робин Коллингвуд. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 328 с.
5. Торндайк Э. Бихевиоризм. Принципы обучения, основанные на психологии. Психология как наука о поведении / Торндайк Э., Уотсон Дж. Б. — М.: АСТ-ЛТД, 1998. — 704 с.
6. Хайдеггер М. Вопрос о технике / Мартин Хайдеггер // Время и бытие. — М.: Республика, 1993. — С. 221–238.

Дзюбенко М. А. — аспирантка кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского».

УДК: 303.372 + 170 + 179.7

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА ЭТИКИ НЕНАСИЛИЯ

В статье рассматривается ценностная направленность ненасилия. Анализируются компоненты аксиологической картины мира. Выявляется взаимосвязь между основными постулатами духовной картины мира и той реальностью, в которой существует современная ненасильственная этика.

Ключевые слова: аксиология, ценность, ценностная ориентация, ценностная картина мира, насилие, ненасилие, добро, зло.

АКСІОЛОГІЧНА КОМПОНЕНТА ЕТИКИ НЕНАСИЛЛЯ

У статті розглядається ціннісна спрямованість ненасилля. Аналізуються компоненти аксіологічної картини світу. Виявляється взаємозв'язок між основними постулатами духовної картини світу і тією реальністю, в якій існує сучасна ненасильницька етика.

Ключові слова: аксіологія, цінність, ціннісна орієнтація, ціннісна картина світу, насилля, ненасилля, добро, зло.

AXIOLOGICAL COMPONENT OF NON-VIOLENCE ETHICS

The value-orientation of non-violence is investigated in the article. Components axiological world picture are analyzed. Relationship between the basic tenets of the spiritual world view and the reality in which there modern non-violent ethic exists is revealed.

Keywords: axiology, value, value orientation, valuable picture of the world, violence and non-violence, good and evil.

Ценностная направленность ненасильственной этики, на первый взгляд, очевидна и не нуждается в доказательстве и выявлении аксиологических ее составляющих. Однако основной аксиологической функцией является рассмотрение категорий реальности и ценности в условиях их единого практического сосуществования в бытийном, действенном пространстве. Базисной аксиологической задачей принято считать выявление возможного синтеза разума и морали в концепте бытия. Именно эту задачу мы и считаем самой важной компонентой на пути интеграции ненасильственных идей в реальное пространство человеческого взаимодействия.

Аксиологической составляющей ненасильственной этики в первую очередь является общетеоретическая база, опираясь на которую можно избежать многих проблем при воспитании и социализации в русле ненасильственного образования. Во-вторых, нам видится незаменимым тот спектр аксиологических категорий, который сформировался вместе с современной цивилизацией и оставался неизменным даже в самые трудные периоды развития нашего общества. Такие общечеловеческие аксиологические категории, как добро, свобода, независимость, любовь и, конечно же, основная ценностная ориентация всей этической философской традиции — ценность самого человека. Все эти категории являются базисными и для этики ненасилия.

Ненасилие не только является частью аксиологической составляющей философии, но и представляет собой практическое руководство к воплощению ценностей морали в бытие разума. Роль аксиологии в становлении культуры ненасилия не может вызывать сомнений. Ненасильственные ценности отражают человекомерное пространство культуры, объединяют в себе отношение индивида к многообразию всех форм бытия. Аксиология является фундаментом этики ненасилия главным образом потому, что помогает синтезировать эфемерные категории морали в реальные категории бытия, такие как жизнь, смерть, собственность и так далее.

Владимир Николаевич Большаков специалист по эволюционной этической экологии, с воем труде «Ноосфера, культура и время» [1], анализируя основные человеческие ценности, приходит к выводу, что на основании доминирования тех или иных аксиологических установок, можно выделить три основных уровня культуры. Под уровнем культуры Большаков понимает коэффициент реального состояния социума, максимальных возможностей общества и воплощения в реальность ценностных установок. Мы проанализируем ненасильственную компоненту каждого уровня культуры и проследим, на каком именно уровне культурного развития человечества этике ненасилия предоставляется особое место в списке ценностных ориентаций и предоставляется возможность к воплощению ее идей в реальность.

Согласно Большакову, низший уровень человеческой культуры является первичным, непосредственно человеческим. Он представляет собой тот культурный набор аксиологических компонентов, которые принято считать априорным, независимым от времени, эпохи и воспитания. Главная потребность данного уровня культуры — витальная. То есть потребность сохранения собственной жизни и закрепления себя во времени путем продолжения своего рода. Примечательно, что на данном уровне культуры может находиться любой человек, не зависимо от его возраста, материального положения и господствующего политического строя. На данном витальном уровне культуры каждый поступок индивида детерминирован полезностью действия для индивида. Аксиологические установки ненасилия на данном уровне вполне могут быть задекларированы как таковые, однако при малейшей угрозе спокойствию жизненного хода индивида они будут сметены со счетов.

Следующий уровень культуры — специализированный. Отличительной особенностью специализированного уровня культуры является его концентрация как на важности самой жизни в целом, так и на значимости каких-то конкретных жизненных аспектов. Основной аксиологической потребностью специализированного уровня культуры является потребность в самопрезентации, реализации своего потенциала. С помощью удовлетворения потребности самопрезентации данный уровень культуры удовлетворяет потребность индивида в самой жизни. Люди, находящиеся на специализированном уровне культуры, действуют по принципу удобства и выгоды, однако, в отличие от низшего культурного уровня, здесь индивид считается с потребностями и желаниями других. Ненасилие на данном уровне культурного развития выступает своего рода мерилем морали. Индивид не отвергает ненасильственные принципы, если они не претят его личным интересам или безопасности и комфорту.

И завершающий, высший уровень развития культуры — полноценный. Уже само название данного уровня дает понять, что это наиболее моральный, человеческий уровень взаимодействия с миром. Основная базисная концепция полноценного уровня культуры состоит в необходимости жизни другого. В том, чтобы быть среди людей, взаимодействовать с ними. Заинтересованность в полноте жизни других. Здесь имеется в виду не конкретная деятельность во имя благоденствия других, но конкретно человеколюбие, альтруистическая направляющая. Если охарактеризовать категорию полноценной культуры одним словом, безусловно, это будет любовь. Любовь в ее высшем понимании, не гендерно-обусловленная, но альтруистическая. К третьему полноценному уровню культуры причисляются не многие, но те, кто действительно является духовной элитой общества.

Уровень полноценной культуры обусловлен духом человечества, но не материальной его составляющей. Г. П. Выжлецов, анализируя аксиологическую направленность культуры, охарактеризовал ее как «проникновение духа в социум и природу». Среди всего разнообразия ценностей полноценной культуры на основании первичности духа можно выделить основные, такие как вера, доброта, свобода, истина и красота. Конечно, в отдельные исторические периоды некоторые из системы этих ценностей отступали на задний план или вообще выходили за рамки аксиологической системы, но в целом данная пятерка аксиологических категорий остается неизменной.

На основании религиозного и этического анализа категории ненасилия, мы с уверенностью можем сказать, что ненасилие несет в себе все компоненты полноценной культуры. Вера является фундаментом для всех ненасильственных течений как религиозных, так и сугубо этических. Будь то вера в высшее начало или же вера в человеческую реальность, в первичность морали. Отражение религиозной веры мы находим в концепциях сатьяграхи, ахимсы, в толстовской трактовке принципов ненасилия, в Нагорной Проповеди Иисуса Христа. Вера в человеческое, вера в первичность морали над разумом и выгодой является основной ненасильственной компонентой таких, казалось бы, материальных ненасильственных течений, как антимилитаризм, пацифизм, вегетарианство и прочих.

Категория добра, доброты в ее широком аспекте была проанализирована нами в ракурсе основных философско-этических концепций. Мы выявили, что доброта является базисной ценностной категорией всех этих традиций. Точно так же, как красота и свобода.

Что касается категории истины в аксиологическом аспекте ненасильственных идей, то именно вера в истинность ненасильственных взглядов как в единственно верный способ взаимодействия с миром является движущей силой всех практик ненасилия.

Конечно, конкретные, существующие, живые люди с их конкретными потребностями и целями не могут быть полностью под властью какого-то одного из уровней культуры, рассмотренных нами. Чаще всего человек существует на стыке нескольких культурных уровней, но доминирующим является лишь один. Зачастую в обыденной жизни люди руководствуются принципами витального и специализированного уровня. Это обусловлено тем, что все мы, существующие в реальном мире, вынуждены ежедневно сталкиваться с рядом трудностей, обусловленных низшими, животными потребностями нашего тела. Потребностями в еде, в безопасности, в здоровье и многих прочих, не позволяющих морали полностью взять верх над потребностями материи.

Интересной спецификой всего багажа ненасильственной философии является ее расширение восприятия категории насилия. Если традиционно, вне философско-этических взглядов, насилие трактуется как причинение вреда с помощью применения силы, то в специфическом ненасильственном смысле насилие выступает как общая характеристика поступков, обусловленных ущемлением воли другого. То есть в аспекте ненасилия само насилие приобретает уже этический характер, выходя в новое поле — психологическое, финансовое, гендерное и другие. Под насилием

здесь же принято понимать и специфическое давление общественного устоя, мнения и порядка. Действия науки, которые задекларированы как сугубо человекомерные, порой становятся инструментами насилия, если мы говорим о специфических научных отраслях — военной, гендерно-биологической, физико-математической и прочих. Именно из союза точных наук и современной аксиологической картины мира и возникает постулат о том, что рациональность, разум и интеллектуальный склад ума — это, скорее, инструменты насильственной картины. А вся наша цивилизация, основанная на таких трансформировавшихся ценностях, — аморальна и насильственна.

Становится понятным, что ненасилие — это отнюдь не пассивность индивида перед окружающим его злом. Ненасилие — это активная позиция, конкретно-целевое противостояние насилию и несправедливости. Это противостояние заключается в особом безусловном противлении. Добро, как суть ненасильственной этики, является активным и действенным. Как в ценностном, нормативном, так и в поведенческом аспекте, суть добра (справедливости) является доминирующей над принципом насилия. Действенное добро — это добро, взаимодействующее со всеми структурами общества. Не только социальными, моральными и духовными, но и политическими. Добро как идеал ведения внешних политических переговоров является несколько утопичным символом, однако вполне приемлемой целью для государственного курса ведения диалога [2].

Исходя из современного опыта ведения международных миротворческих переговоров, можно сказать, что ненасилие созвучно и в некотором роде тождественно понятию мира как отсутствия конфликтов и вражды. Однако отсутствие кровавых войн, сосуществование, а в некоторых случаях и вынужденное примирение сторон не могут исчерпать всего содержания ненасилия, так как этика ненасилия не останавливается на исключительно физическом аспекте подавления воли индивида. Миротворчество базируется на особом принципе подавления конфликтов, оно провозглашает мир без оружия и противостоит не столько физической силе, сколько вражде как особому виду житейских установок. При современном социокультурном уровне развития общества два враждующих государства могут обойтись без кровопролитных конфликтов. Миротворческая идея ненасилия является важным моментом — своего рода декларацию отказа от применения необоснованной и внеправовой силы и, что особо ценно, преодоление возможных ситуаций, в которых могут возникнуть применение силы, недоверие сторон и ожесточенная конфронтация.

Во взаимоотношении понятий «мир» и «ненасилие» есть и другой существенный аспект. Оба эти понятия сопряжены с правовой идеей. Сохранение мирного гражданского общества — это одна из базисных аксиологических установок ненасилия. Но мирное общество, как показывает история, невозможно без правильной правовой регламентации как межличностных, так и социальных отношений в целом. Таким образом, ненасилие является правовым инструментом установления гражданского мира, закрепленным не только в моральных установках самой личности, но и укоренившимся в правовом сознании граждан.

Социальные институты гражданско-политического общества возлагают на себя особую функцию безличного молчаливого миротворца, особого посредника и мирового судью в сложных конфликтных ситуациях. В этом случае «социальное» выступает в роли регулятора моральности [3].

Гуманистический опыт внедрения этики ненасилия базируется на конкретном и принципиальном действенном ненасилии. На том, что основной аргументацией в ведение миротворческих переговоров должны служить религиозные и нравственные установки, свойственные в том или ином роде всему человечеству.

Важным аспектом в трактовке любого насильственного акта является вычленение и дальнейший разбор причин возникшей агрессии. Мы должны понимать и принимать сложившиеся внутри каждой личности два абсолютно разных типа агрессии. Первый тип является общим и для человека, и для всех остальных живых существ. Это природно обусловленный импульс к атаке или же немедленное желание бегства в том ситуативном элементе, когда возникает непосредственная явная угроза для жизни. Эта агрессия является оборонительной функцией индивида и основана на инстинкте самосохранения и выживания рода. Такая биологически обоснованная агрессия автоматически притупляется, как только угроза жизни индивида исчезает. Гуманизм рассматривает такую агрессию как вынужденную меру и в должной степени принимает и не порицает индивида, который был вынужден применить силу для защиты собственной жизни. Но и здесь существует множество технических нюансов. Следует разграничивать вынужденное применение силы для спасения собственной жизни и чрезмерное насилие над субъектом, являющимся причиной угрозы. Второй тип агрессии — это особая деструктивная жестокость, которая свойственна исключительно

человеку. Такая агрессия негативна уже по определению. Она оскорбляет, подавляет и властвует. Именно жестокость является основной доминантой беспричинной агрессии.

В ответ на столь радикальный посыл запросов к этике ненасилия уместно будет обратиться к этическим истокам плюрализма, который декларирует равноценную правоту каждой точки зрения. Множественная концепция истины, а значит, и бесконечно множественное пространство вариантов картины мира, объединяет одно — все субъективные восприятия окружающей реальности базируются на признании одних и тех же аксиологических постулатов. Таким образом, ненасильственная этическая концепция взаимодействия с окружающим миром (каким бы субъективно-рефлексивным этот мир не был) является базисной отправной точкой для построения будущего концепта субъективной реальности. Поскольку общечеловеческие моральные ценностные установки неизменны не только в ходе исторической и этической ретроспективы, но и при анализе индивидуальных оценочных суждений о мире у индивидов из одного и того же общества — философия ненасилия выступает не мерилем истинности, но основным постулатом категории добра. Постулаты же категории добра в целом, не только этический аспект ненасильственного взаимодействия с миром, индивид может как принимать, так и отвергать, однако его оценка собственных действий всегда будет отталкиваться от них. Совершив поступок, который относится к аксиологической категории зла, индивид может не испытывать за него моральных угрызений совести, однако, находясь в трезвом уме, сложно не отдавать себе отчет в том, что с точки зрения моральных ценностей был совершен именно негативно окрашенный поступок. Не обязательно следовать аксиологическому концепту взаимодействия с миром и являть собой пример положительных качеств, чтобы просто осознавать оценочные нормы и рамки, по которым поступкам присваивается характеристика добра или зла.

Таким образом, аксиологическая оценочная характеристика поступков индивида остается исключительно внутренней индивидуальной прерогативой. Однако как же тогда действует моральный оценочный фактор? Очевидно, что сама по себе мораль, являющаяся этической философской категорией, не может действовать чисто механически, автоматическое присвоение поступкам доброго или злого оценочного ярлыка невозможно, поскольку данная аксиологическая сфера полностью обусловлена вмешательством человеческого фактора. Этот же человеческий фактор и является мерилем истинности / ложности оценочных суждений, их правды или же вымысла.

Таким образом, постулаты ненасильственной этической парадигмы напрямую взаимосвязаны с внутренней оценкой индивида окружающей его реальности. Несмотря на то что ненасильственная концепция взаимодействия с миром не является сугубо религиозным или же исключительно философско-этическим концептом, внутренняя индивидуальная человеческая рефлексия преобразует ее общие концепты в частные этически нормы и правила. Ненасильственная этика задекларировала себя не только в религиозных учениях, философских экзистенциальных школах, политических стратегиях ведения конфликтов, но и в не зависящей от этих сфер реальности — реальности взаимодействия человека с социумом в целом. Основные ненасильственные постулаты одинаковы для всех сфер человеческого бытия, но в каждой из них они приобретают свои характерные дополнения или же поддаются иной трактовке, в зависимости от времени и места их применения. Так, к примеру, антимилитаризм и практика сатьяграхи — вещи, казалось бы, из абсолютно разных сфер человеческой жизни, однако оба эти феномена базируются именно на ненасильственной этике взаимодействия с окружающим миром. Антимилитаризм берет из этики ненасилия общий свод ее категорий, относящихся к построению таких внутренних и внешних политических коммуникаций, благодаря которым традиционно военное решение конфликтов не только внутри конкретной страны, но и на межгосударственной арене исключается полностью. Постулаты антимилитаризма — постулаты бесконфликтной борьбы за свои права и территорию. Примером такой бесконфликтной борьбы может служить практика переговоров, подписание пактов о ненападении, скрепленных обязательствами взаимовыручки двух стран.

Концепция же сатьяграхи, наоборот, базируется на тех ненасильственных постулатах, которые затрагивают духовную сферу жизни человека. Можно сказать, что концепция сатьяграхи, как и концепция ахимсы, берет из традиции ненасилия аксиологическую компоненту ее этических воззрений, не затрагивая никоим образом ситуации, при которых возникла бы необходимость вмешиваться в конфликты на уровне страны. Сатьяграха ставит своим идеалом такой образ жизни, при котором не могло бы возникнуть военных конфликтов в целом. Конечно, это действительно всего лишь идеал, полное воплощение в жизнь которого может быть лишь при условии всецелого соблюдения каждым из граждан законов сатьяграхи в частности и всего положения ненасильственной

© **Іванов Є. В.**

парадигми в цілому.

Однако и антимилитаризм, и концепция сатяграхи — есть суть одного, а именно — применения на практике идеалов ненасилия.

Потеря интереса общества к общечеловеческим моральным ценностям представляет для ненасильственной идеи существенную проблему. Это связано не только с тем, что потеря интереса к моральной стороне жизни напрямую уменьшает количество приверженцев ненасильственной идеи, но и с тем, что весь тот религиозный, этический и философский фундамент, на который тысячелетиями опиралась ненасильственная этика, постепенно утрачивает свою неоспоримую истинность в глазах человечества. Подмена моральных установок случилась не в одно мгновение. Утрата ценности духовной стороны жизни стала возможной благодаря постепенным историческим процессам, поэтому «застигнутых врасплох» и категорически несогласных с такой трансформацией моральных ценностей людей нет и быть не могло, так как продолжительность человеческой жизни слишком мала для того, чтобы охватить весь этот процесс целиком.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большаков В. П. Ноосфера, культура и время // Вестник НовГУ. Сер.: Гуманитарные науки. — 1998. — С. 9.
2. Давыдов Ю. Этика любви и метафизика своеволения / Ю. Давыдов. — М., 1982. — С. 318.
3. Жирар Р. Насилие и священное / Р. Жирар. — М.: Новое лит. обозрение, 2000. — 400 с.

Іванов Є. В. — кандидат історичних наук, доцент кафедри соціології, філософії і права Одеської національної академії харчових технологій.

УДК 130.1:316.012

АМЕРИКАНСЬКА МОДЕЛЬ СОЦІАЛЬНОГО УПРАВЛІННЯ: СПРОБА ФІЛОСОФСЬКОГО ОСМИСЛЕННЯ

У статті аналізуються з точки зору соціальної філософії особливості американської моделі соціального управління. Автор вказує на те, що суспільство США виробило ефективні механізми соціальної взаємодії, які дозволяли йому на протязі століть долати дезинтеграцію внаслідок переважання інтенсивного відтворення суспільного суб'єкта над простим відтворенням.

Ключові слова: соціальне управління, американська модель, лідерство, інтенсивне відтворення.

АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПОПЫТКА ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

В статье анализируются с точки зрения социальной философии особенности американской модели социального управления. Автор указывает на то, что общество США выработало эффективные механизмы социального взаимодействия, которые позволяли ему на протяжении столетий преодолевать дезинтеграцию вследствие преобладания интенсивного воспроизводства социального субъекта над простым воспроизводством.

Ключевые слова: социальное управление, американская модель, лидерство, интенсивное воспроизводство.

AMERICAN MODEL OF PUBLIC ADMINISTRATION: AN ATTEMPT FOR PHILOSOPHICAL ANALYSIS

In the article analyzed from the point of view of social philosophy features American model of public administration. The author points out that the society of USA has developed effective mechanisms of social interaction. It was due to the predominance of intense reproduction of the social subject over simple reproduction.

Keywords: public administration, the American model, leadership, intensive reproduction.

На початку XXI ст. проблеми управління суспільством виходять на перший план не тільки у